

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 140.8(470)

*И.А. Асеева***ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ БУДУЩЕГО
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ РУБЕЖА XIX–XX вв.)**

На материале русской философии конца XIX – начала XX в. раскрывается пророческая традиция в России, развивающаяся в двух направлениях. Первое направление основывается на выяснении сущности пророческого служения (С.Н. Булгаков, В.С. Соловьев, И.А. Ильин, Д.Л. Андреев). Второе – тема размышлений о будущем России (К.Н. Леонтьев, Н.А. Бердяев, П.И. Новгородцев, И.А. Ильин).

Ключевые слова: предвосхищение; философская рефлексия будущего; научное прогнозирование; пророческая традиция в России; пророчество.

На первый взгляд, влияние философских прогнозов не такое сильное, как научных. Научные концепции будущего более конкретны, они позволяют наглядно представить, как в количественном выражении будет изменяться исследуемый объект. Философские категории не столь четки, как научные, но в силу своей всеобщности они позволяют разрабатывать методологию прогнозирования. Философия предлагает и обеспечивает методологическое мышление, направленное на поиск недостающих средств познания, не избегая интуитивных соображений, ценностных ориентаций при разработке прогностического образа. В отличие от науки, философия не отвергает подобные методологические приемы. Она критически их анализирует, отбрасывая ложные и явно нереальные, обосновывает новые приоритеты, которые, по ее мнению, будут востребованы обществом в дальнейшем.

Философское мышление более свободно, чем научное, оно не так жестко сковано строгими рамками научных критериев. Результат научного прогнозирования характеризуется понятиями «точность» и «полнота», которые конкретизируют уровень совпадения полученного прогноза с будущей эмпирической реальностью. Научный прогноз, как известно, стремится выявить все возможные варианты развития событий, не претендуя часто на выделение наиболее вероятного. В философском предвосхищении основная цель заключается в определении общей тенденции развития ситуации. Поэтому философ дополняет свой прогностический арсенал не только уже известным знанием, но и логикой, и здравым смыслом. Философское познание, поэтому, выходит на более глубокие уровни постижения самой сути проблемы. «Это либо до-рефлексивный и даже довербальный уровень эмпирических знаний, “жизненного мира” – горизонт, предшествующий субъектно-объектным отношениям, либо надэмпирический, трансцендентальный уровень субъекта как «сознания вообще», либо экзистенциальный уровень бытия субъекта» [1. С. 366]. Вместе с тем философское познание будущего вполне рефлексивно, т.е. сознательно анализируется не только объект предвидения, но и процесс его изучения. Причем объект предвидения рассматривается во всей сложности его взаимосвязей с внешним миром, не исключая и процесс взаимодействия объекта с субъектом предвидения [2. С. 32–35].

В отличие от научно-прогностических концепций, философский взгляд в будущее часто является выражением эмоционально-личностной позиции автора, не отделяющего свою жизнь от истории страны. Такая характерная черта отличает, в частности, русскую философию XIX – начала XX в. Размышляя об особенностях философского мышления, М. Мерло-Понти подчеркивал, что мыслить не означает обладать объектами мышления, мыслить – значит с помощью объектов мышления выявлять то, что еще не стало предметом мышления. Особенно актуальным это высказывание представляется в свете познания будущего. Действительно, если наука может проследить реальную динамику исследуемого явления, спрогнозировать возможные перспективы его развития, то философия способна показать такие последствия, на которые в настоящем ничего явно не указывает.

В философском познании будущего выявляются несколько направлений мыслительной активности. Первое представляет собой философско-этическую экспертизу при прогнозировании. Бурное развитие науки и технологии, появление новых теоретических знаний вызывает переосмысление существующих нравственных принципов и традиционных ценностей. М.М. Бахтин высказал требование, что деятельность и познание, особенно познание будущего, должны опираться на принцип ответственности. Этот принцип должен предшествовать реальному преобразованию мира. Функцию философско-этической экспертизы могут выполнить альтернативные сценарии будущего, представляющие собой комбинацию возможных в будущем событий, социально-политических решений и их последствий.

Прогностический подход, далее, предполагает, что знание о том, каков есть мир, выраженное в научных терминах, должно быть дополнено знанием о том, каким он должен быть, знанием в форме должноствования. Именно это, думается, и составляет основную задачу философского предвосхищения. Это направление философских исследований связано с созданием привлекательного социального идеала. Философия всегда активно участвует в выработке таких ориентаций.

Наиболее ярким, на мой взгляд, уникальным в истории культуры является третье направление философских размышлений о будущем. Оно касается своеобразного

социального предназначения философии, той роли, которую она играет в обществе. Истинная философия – это всегда драма, всегда трагедия, пишет В.Н. Кондратьев в статье о Льве Шестове, поскольку драматично и трагично само положение философа – быть на грани, на краю двух бездн: мира видимого и мира невидимого [3]. Он видит дальше и глубже, чем большинство. Он подобен человеку, поднявшемуся на гору, в то время как другие толпятся у ее подножья. Философ, особенно социальный философ, всегда занимает ценностную позицию в обществе. Он призван рассказать обществу, что скрыто от глаз, предупредить о возможных бедах, уберечь от ошибок. Подлинное призвание философа – призвание пророческое. Пророческий дух шире его религиозного понимания в узком смысле. С.С. Аверинцев отмечает, что «при всем резком несходстве типов философа и пророка тот и другой воплощают протест против данностей сакрального быта во имя духа» [4. С. 34]. Причем философ протестует против инерции во имя разума, а пророк – во имя идеи. Пророк выступает, таким образом, как общественный деятель с философским складом ума. А философа общественное мнение наделяет чертами пророка, провозглашающего социальный идеал, основанный на новых социальных, духовных, экономических, политических, научно-технических потребностях общества.

«Пророк всегда недоволен настоящим, обличает зло в окружающей действительности и ждет в грядущем торжества высших духовных начал, которые ему открываются в пророческом видении» [5. С. 226]. Философ-пророк погружен в жизнь своего народа, он страстно обличает ее и предсказывает ей гибель. Он обречен на непонимание, на побивание камнями. Он всегда страдает, всегда несчастен, ибо мир его разрушенной родины уже предстал перед его взором. Но он одинок, ему никто не верит. Он кричит в пустоту. Пророчество – это не только боговдохновенное деяние о передаче божественной воли, пророчество – это состояние души человека, неравнодушного к судьбе своей страны.

Научное мышление абстрагируется от любых проявлений, характеризующих отношение человека к миру. Оно направлено на максимальную объективность в познании, стремится исключить любые субъективные искажения, такие как личностные предпочтения, психологические установки и т.п. Поэтому научное познание строится на выверенных законах развития объекта. Философия и другое гуманитарное знание в большой степени мыслит не в гносеологических, а в этических категориях. Определяющее значение, следовательно, имеет сам мыслящий субъект, его система ценностей, цели, которые он хочет достичь. Вместе с тем философ заботится об общем благе, размышляет об общественном идеале. Часто, как ни странно, он становится в оппозицию к обществу, стремится разрушить сложившиеся стереотипы. Обыватель боится пророческого духа, ибо тот угрожает его привычной, размеренной жизни. Человек, удовлетворенный повседневностью, ничего не хочет знать о будущем, оно пугает его. Он ничего не хочет менять. А пророк «задыхается в окружающем его отверделом мире... Он всегда прозревает свободный духовный мир и ждет его проникновения в этот удушливый мир» [5. С. 226]. В этом антагонизме, я думаю, заключается причина трагической судьбы

философа-пророка. Замечательные примеры подлинно пророческих выступлений встречаются в русской философии XIX – начала XX в.

Профетическая традиция в России развивается, на мой взгляд, как бы в двух параллельных направлениях, причем эти направления различаются по содержанию, не временными, а смысловыми нюансами. Первое направление основывается на выяснении сущности пророческого служения, черпая материал для размышления во всем мировом художественном, философском и богословском наследии. Это течение развивается в основном в русле религиозной философии и придерживается библейского определения пророчества.

При рассмотрении пророческого служения уделяется внимание различным его аспектам. Так, например, С.Н. Булгаков анализирует деятельность библейских пророков; В.С. Соловьев подчеркивает этический контекст пророческого служения; И.А. Ильин размышляет о судьбе и назначении «русского национального пророка» – А.С. Пушкина; Д.Л. Андреев и Н.А. Бердяев задумываются над завершенностью пророческой миссии во всей русской литературе и философии.

В работах С.Н. Булгакова нет единой теории о сущности пророчества. Но интересные мысли, касающиеся служения библейских пророков, встречаются в разных его произведениях. Автор прежде всего обращает внимание на то, что рассматривать библейские тексты надо в связи с литературной и исторической традицией – в образах палестино-иудейского мышления I в. н.э. Это время было исключительно благоприятно для выступления пророков, т.к. жизнь еврейского народа была потрясена до основания. В этом смысле «пророки являются буревестниками мировой истории, появление пророков предвещало новую эпоху, новый ряд трагических событий в мире...» [8. С. 17]. Причины близкой трагедии библейские пророки видели в распространении идолопоклонства, падении нравов и отходе от истинной веры. Отсюда, считает С.Н. Булгаков, и религиозная направленность их деятельности. «Социальное обличение было у них лишь выводом из посылок общерелигиозного характера. Поэтому большинство этих проповедей имеет не социально-политический, а религиозно-социальный характер; пророков интересуют не вопросы экономической техники и подробности экономической жизни, а вопросы о правде и неправде, добре и зле в экономических отношениях» [Там же].

Пророки становятся воплощенной совестью народа, они учат, обличают неправедность, рисуют идеал жизни и вдохновляют свой народ на его достижение. То есть их деятельность в основном носит религиозно-этическую направленность. Кроме того, существенной частью пророческого служения является разъяснение божественного откровения о судьбах человечества, народов и царств, освещение апокалиптической схемы истории (Даниил) и эсхатологических образов конца света (Иоанн). Но все же главным предметом пророчествования был Грядущий Мессия, скорому предшествованию которого посвящены так называемые «мессианские пророчества».

С.Н. Булгаков задается вопросом, как вообще можно понимать это видение будущего? Прежде всего, он исключает истолкование пророчеств как «инструмен-

тально-механическое или чисто медиумическое пифийство» [9. С. 359]. Философ считает пророчество активным творческим процессом, причем таким, который объединяет божественное вдохновение и напряженную работу ума и сердца человека. Пророчеству, пишет он в «Апокалипсисе Иоанна», в отличие от апокалипсисов, свойственно активное искание истины, постоянное «вопросание и вдохновение», «...пророчество есть не только озарение свыше, но и вопросоответ, дело бого-человеческое...» [10. С. 12].

С.Н. Булгаков отличает пророка от тайнозрителя, каким, по его мнению, был евангелист Иоанн Богослов. Тайнозритель имеет «видения» как «откровения» вне его воли и желания. Он «видит» то, о чем не спрашивал и не мог спросить из-за узости человеческого кругозора, это одностороннее воздействие на человека. От тайнозрителя «требуется способность увидеть показуемое, воспринять его, поведать людям, но и самому устоять, понести пророчество, не разложиться духовно от него... При всей грандиозности открытий Апокалипсиса видения здесь просто чередуются, следуют одно за другим, а затем укладываются по известному плану в повествовании о них, и отношение к ним созерцающего остается пассивным, восприимчивым. Это духовная сравнительная пассивность отличает апокалипсисы от пророчества» [Там же]. Другой типаж прозорливца – апокалиптик – «мечтательный фаталист, отчаявшийся в настоящем и потому вперяющий взоры в будущий век» [11. С. 215].

По мысли философа, пророки – это исключительно духовно одаренные личности, божественные избранники. Их человеческая целеустремленность находит поддержку Святого Духа и Бога и получает статус истинности (в религиозном смысле). И все же человеческая сущность проявляется в большой степени, особенно в том, что образы будущего и эсхатологические видения, подчеркивает философ, как правило, далеко не ясны для самих пророков. «Эти пророчества остаются абстрактны и тусклы, выражаются посредством образов, обычных для письменности эпохи... благодаря этому темны и многосмысленны, нуждаются в истолкованиях» [9. С. 350]. Но С.Н. Булгаков видит в этом свойстве пророчеств не недостаток, а особенность такого способа постижения грядущего. В пророчествах, с его точки зрения, прослеживается онтология, а не конкретная история. Именно человеческая свобода в мыслях и поступках, которой принадлежит и настоящее, и будущее, накладывает отпечаток неясности и условности на видения того, что еще не свершилось. С.Н. Булгаков предупреждает, что об этой относительности человеческих прозрений необходимо помнить, чтобы иметь правильную точку зрения на них, свободную от преувеличений. Поэтому, он считает, видение можно рассматривать как пророчество лишь в тех случаях, когда раскрывается, что сам Бог хочет совершить над миром.

Таким образом, выявляется некоторое противоречие во взглядах философа, в частности не до конца проясняется вопрос об активности пророческого служения и его отличии от пассивного «тайнозрения». Также остается непонятным, что подразумевал С.Н. Булгаков под «духовным разложением» от пророчества. Но все же, на наш взгляд, огромной его заслугой было подчерки-

вание человеческой сущности пророка, которому, несмотря на божественную избранность, могут быть свойственны преувеличения и заблуждения.

Довольно редко случалось, что попытки предсказания будущего венчались успехом: им свойственны либо легковесность, либо чрезмерная перегруженность деталями, что делает их похожими на фантастический роман. Лишь малая часть из них оказывалась на поверку истинной. О книге В.С. Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» этого не скажешь. Н.М. Зернов, например, считает, что «страницы ее проникнуты высшим напряжением духа; она прочитывается как подлинное пророчество, а не просто как произведение в традиционном жанре апокалипсиса» [12. С. 171]. Еще при жизни на голову философа русская интеллигенция возложила венец пророка и духовного наставника. Соловьевскими идеями проникнут весь Серебряный век русской культуры. В рамках данной темы выделю из его теорий размышления о смысле пророческой деятельности, изложенные в работах «Оправдание добра» и «Философия искусства и литературная критика». Вообще говоря, в сочинениях В.С. Соловьева парадигма пророческой миссии заимствована из поэзии А.С. Пушкина и как бы по эстафете воспринята от Ф.М. Достоевского, непревзойденного декламатора этих стихов.

Рисую теократический идеал в «Оправдании добра», В.С. Соловьев обращает внимание на нравственный аспект деятельности пророка. Во главе теократического государства он видит три руководящие силы: первосвященник, царь и пророк. Философ пишет: «Как первосвященник церкви есть вершина благочестия, а государь христианский – вершина милости и правды, так истинный пророк есть вершина стыда и совести. В этом внутреннем существе пророческого служения заключается основание и для внешних его признаков: истинный пророк есть общественный деятель, безусловно независимый, ничего внешнего не боящийся и ничему внешнему не подчиняющийся» [13. С. 401]. Он, как носитель «безусловной свободы», в своем верховном служении руководствуется исключительно «доброй волей и чистой совестью».

Веря в истинный образ будущего, настоящий пророк следует насущным общественным потребностям, соглашаясь с «таинственными корнями религиозного предания», и этим он, по мнению философа, существенно отличается от праздного мечтателя. В отказе от пророческого служения В.С. Соловьев видит причину всех аномалий средневековой и новой истории.

Таким образом, истинный пророк выступил бы в качестве «нравственного контроля со стороны свободных сил народа общества», что помогло бы избежать различных злоупотреблений и авторитарности в руководящей верхушке. Помня недавний печальный опыт государственного правления в нашей стране, эти соловьевские рассуждения звучат как действительное пророческое предостережение.

Размышления о судьбе и назначении России продолжает Д.Л. Андреев в «Розе мира». Исходя из своего личного духовного опыта, автор рассматривает русскую культуру под углом зрения метаистории, т.е. с точки зрения смысла истории. Начиная со Средневековья на культурном горизонте Руси Д.Л. Андреев видит

все меньше крупных мыслителей, религиозных деятелей, «которыми питались корни православной праведности» [6. С. 173]. Причины упадка церковного влияния он находит в отставании догматических истин от быстро меняющейся реальности, в неспособности церковных руководителей решить острейшие социальные, политические, философские вопросы, встающие перед обществом. Нового духовного наставника для России Д.Л. Андреев чувствует в искусстве. Объясняя его значение и смысл, философ выстраивает четкую иерархию культурно-исторических типов личностей, через свое творчество влияющих на историю. Автор разводит эти типы по реализации определенной роли в культуре.

Д.Л. Андреев выделяет несколько своеобразных стадий в развитии духовного потенциала личности: талант – гений – вестник – пророк. Он считает, что «талант и даже гениальность – это такие общечеловеческие способности, которые в данной личности достигли высшей степени развития, чем в других, благодаря особенностям её психофизической структуры...» [6. С. 175]. У них как бы закрыты органы духовного восприятия, и они свободны от какого бы то ни было божественного задания. Единственное требование, предъявляемое к любому художнику, – соответствовать общечеловеческому этическому минимуму, религиозно-нравственной идее не растлевать души. Их творчество лишено самого главного признака божественного руководства: они сами не чувствуют, что через них вещает высшая и вне их пребывающая инстанция. Такими талантами без духовной миссии Д. Андреев считает, например, А.М. Горького и В.В. Маяковского.

Напротив, «вестник – это тот, кто, будучи вдохновляем даймоном, дает людям почувствовать сквозь образы искусства правду и свет, льющиеся из миров иных» [6. С. 174]. Вестник абсолютно уверен в своей миссии, имеющей общее, очень широкое метаисторическое значение. Это чувство ведомости ясно и определенно высказал А.К. Толстой в стихотворении: «Тщетно, художник, ты мнишь, что своих ты творений создатель». Многие из вестников не могут считаться гениями в том смысле, который он вкладывает в этот эпитет. Особое значение имеют произведения художников-вестников, «не претендовавших на гениальное совершенство своих творений, но возвещающих ими о таких высотах и глубинах потусторонних сфер, до которых не в силах были достигнуть и многие гении» [Там же]. Д.Л. Андреев считает, что таких высот достигает именно русское искусство, ибо оно почувствовало свою планетарную миссию и величайшее предназначение России. Вестник здесь – больше, чем талантливый и даже гениальный художник. Его деятельность сопряжена с гражданским, политическим подвигом: призыв этот звучит у Радищева, Рылеева, Герцена, Некрасова, у шестидесятников, народников, вплоть до большевиков [6. С. 178]. Этот подвиг заключается в поисках синтеза религиозно-этического и художественного служения. Наибольших высот эта божественная миссия достигает, по мысли Д.Л. Андреева, у пророков, тех, «у кого раскрыты с помощью Провиденциальных сил высшие способности духовного восприятия, чье зрение и слух проникают сквозь весь Шадаканар сверху донизу и кто возвещает о виденном и узнанном не только

произведениями искусства, но и всю свою жизнь, превратившейся в житие» [Там же].

В отличие от вестника, пророк – личность более широкого масштаба. Он действует и через устную проповедь, и через философскую концепцию, и даже через образ всей своей жизни, олицетворяя собой, таким образом, мудреца и святого. Вестник может вырасти в пророка, если найдет в себе силы соединить «художественное творчество с духовным деланием и подвигом жизни» [6. С. 184]. Этот путь духовного роста очень сложен. Прежде всего он заключается в выполнении своего предназначения – всем творчеством показать обществу всю порочность и неприглядность жизни, не озаренной Богом. Эту задачу предчувствовал А.С. Пушкин, вероятно, осуществил бы к концу жизни М.Ю. Лермонтов, она раскрылась во всю глубину перед Н.В. Гоголем и Ф.М. Достоевским, Л.Н. Толстым. Великий русский философ В.С. Соловьев стоял на прямом пути от духовидения к пророчеству. Он, считает Д.Л. Андреев, превосходил по своему духовному опыту Бёме, Экхарта, Сведенборга, Рамакришну и Рамануджу. Автор совершенно уверен, что В.С. Соловьев понимал свою высочайшую миссию: «Соловьев должен был принять духовный сан и, поднимая его в глазах народа на небывалую высоту авторитетом духовидца, праведника и чудотворца, стать руководителем и преобразователем церкви. Известно, что в последние годы жизни перед внутренним взором Соловьева все отчетливее раскрывались перспективы последних катаклизмов истории и панорамы грядущего царства противобога, и он сосредоточился на мечте о воссоединении церковью и даже о будущей унии иудаизма и ислама с христианством для борьбы с общим врагом: уже недалеко во времени рисовавшимся пришествием антихриста. В его письмах имеются бесспорные доказательства, что в подготовке общественно-религиозного сознания к этой борьбе он видел в последние годы своё призвание» [6. С. 195]. И все же, по мнению Д.Л. Андреева, несмотря на близость В.С. Соловьева к высотам пророческого служения, он не достиг вершины из-за несвоевременного ухода из жизни, как не достиг в полной мере ни один из величайших гениев русской литературы, музыки, живописи. Причины трагедий философ находит в борьбе «светлых и темных мистических сил» за обладание человечеством. Именно «темные силы» насильно обрывали жизни «носителей светлых миссий». «История вестничества в русской литературе, – заключает Д.Л. Андреев, – это цепь трагедий, цепь недовершенных миссий» [6. С. 191–192].

Темен жребий русского поэта:

Неисповедимый рок ведет

Пушкина под дуло пистолета,

Достоевского на эшафот, –

вторит философу Максимилиан Волошин в стихотворении «На дне преисподней», посвященном памяти А. Блока и Н. Гумилева.

Таким образом, в русской философии XIX – начала XX в. выделяются несколько своеобразных типов людей, предвосхищающих будущее. У них разные цели и различные возможности по реализации своей миссии. Так, Д.Л. Андреев различает типажи вестника и пророка. Вестник – боговдохновенная личность, через свое

творчество открывающая людям неохватные сферы духа. Их деятельность связана с поисками и исполнением предназначения человека и народа. С.Н. Булгаков выделяет тайнозрителя и апокалиптика. Тайнозритель, по мысли философа, пассивно получает некую информацию в визуальных образах, часто не понимая ее содержания и смысла. Его миссия – получить, сохранить и передать людям возможно ближе к первоисточнику то, что было ему показано. Апокалиптик – в некотором роде социально опасный тип общественного деятеля, способного толкнуть свой народ «на поступки отчаяния», «на безумные взрывы революции» [11. С. 215]. Он разочарован в настоящем и страстно вещает о божественном фатуме. Но, в принципе, апокалиптик тоже пассивен, ведь неотвратимость божественной воли (или объективной закономерности в марксизме) не оставляет места свободной человеческой активности.

Размышления русских философов близки в определении миссии пророка. У С.Н. Булгакова читаем: «...Пророки говорят в действительном залоге и повелительном наклонении». И далее: «...пророки выступали от первого лица. ...Они сами были непосредственными, активными участниками исторической драмы» [Там же]. Или у В.И. Иванова: «...под пророчествованием мы понимаем не непременно точное предвидение будущего, но всегда некоторую творческую энергию, упреждающую и запивающую будущее, революционную по существу, – тогда как романтизм не имеет и не хочет иметь силы исторического чадородия, враждует со всякою действительностью, особенно с исторически ближайшею, и ждет лучшего от невозможного возврата былого» [14. С. 38]. То есть пророк – общественный деятель крупного масштаба, не только получающий видения и откровения о будущем, но активно вмешивающийся в ход событий, проводящий свои идеи всеми доступными ему способами.

С.Н. Булгаков, В.С. Соловьев, И.А. Ильин и Д.Л. Андреев принадлежат к разным поколениям русских мыслителей. У них разные судьбы, особенности мышления и мировоззрения, однако они пришли к одинаковым выводам относительно судеб Европы и собственной страны. Они смогли удивительно точно разглядеть кризис христианской цивилизации и ведущую роль России в этом кризисе. Их предупреждения не вняли руководители страны в XIX–XX вв., народ считал их чудаками, живущими в мире иллюзий, безнадежно оторвавшимися от реалий повседневной жизни мистиками. В этом, собственно, и заключается трагедия философа-пророка – оставаться непонятым и непринятым в своей стране, «грести против течения», возможно, не дожить до того светлого момента, когда станет ясно, как на самом деле он был прав.

Возможно, наша история была бы другой, если бы на социально-политической арене реализовался тот идеальный образ пророка, который был нарисован русскими мыслителями. Несмотря на некоторые смысловые различия в изложении взглядов на пророчество, они видели в пророке справедливого и страстного общественного деятеля, призванного Богом к служению народу, а не личным амбициям.

Второму направлению размышлений о будущем в русской философии рубежа XIX – XX вв. принадлежат

художники и мыслители, в своих произведениях предсказывающие тот или иной вариант будущего от приближающейся неминуемой гибели до начала новой светлой жизни в зависимости от собственного мировоззрения. Не все из этих произведений можно назвать действительно пророческими, хотя среди них встречаются подлинные шедевры гениального прозрения, как, например, «Предсказание» М.Ю. Лермонтова, «Возмездие» А.А. Блока; теория эгалитарного прогресса К.Н. Леонтьева. Представители этого направления, как правило, не задумываются над смыслом понятия «пророчество», они сами претендуют на звание пророков, хотя уместнее, по моему мнению, говорить о пророческих мотивах в их творчестве.

Традиционная, но, тем не менее, очень острая по своей духовной напряженности и страстности исканий тема размышлений о будущем России. На переломе столетий появляется много философов, обеспокоенных судьбой родины. Размышления Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева и К.Н. Леонтьева, Н.Я. Данилевского и В.Ф. Эрн, И.А. Ильина и П.И. Новгородцева насыщены тревожными настроениями и личными переживаниями о судьбе России. Целая эпоха в русской философии, с середины XIX до начала XX в., – период, называемый «русский религиозно-философский ренессанс» – прошел в поисках ответа на вопрос: можно ли удержать Россию перед падением в пропасть революции, войны и краха? В это время в философии нарастают апокалиптические настроения в пессимистической окраске. В произведениях многих мыслящих людей передается эсхатологическое мироощущение, построенное на предвидении неведомого будущего, чреватого социальными катаклизмами, в которых чувствовался бессмысленный и беспощадный революционный дух.

Очень интересно творчество К.Н. Леонтьева для темы о предчувствиях и пророчествах русской философии. Он одним из первых, еще в 80-х гг. XIX в., высказал идеи, ставшие главной больной темой спустя несколько десятилетий. Уже тогда он ясно ощущал, что Россия фатально идет к революции. Он предсказывал, что эта революция будет тиранической и кровавой, не либеральной, а коммунистической, что в ней не будут провозглашены права и свободы и будет низвергнута либерально-демократическая интеллигенция [7. С. 321]. Как философ истории он описывает последствия практического распространения установленного политического строя. К.Н. Леонтьев почти не сомневался, что человечество испытает на практике социалистические идеи, и предрекал, что вопреки любым благим намерениям и теоретическим конструкциям в реальности социализм обернется подавлением личности и формой невиданного в истории закрепощения. В 1880 г. он писал: «Социально-политические опыты ближайшего грядущего (которые, по всем вероятностям, неотвратимы), будут, конечно, первым и важнейшим камнем преткновения для человеческого ума на ложном пути искания общего блага и гармонии. Социализм (т.е. глубокий и отчасти насильственный экономический и бытовой переворот) теперь, видимо, неотвратим, по крайней мере, для некоторой части человечества. Но, не говоря уже о том, сколько страданий и обид его воцарение может причинить побежденным (т.е. представителям либерально-

мещанской цивилизации), сами победители, как бы прочно и хорошо ни устроились, очень скоро поймут, что им далеко до благоденствия и покоя.

...Эти грядущие победители устроятся или свободнее, либеральнее нас, или, напротив того, законы и порядки их будут несравненно стеснительнее наших, строже, принудительнее, даже страшнее. В последнем случае жизнь этих новых людей должна быть гораздо тяжелее, болезненнее жизни хороших добросовестных монахов в строгих монастырях» [15. С. 190–191]. Неудивительно теперь, после уроков террора и казарменного социализма, жесткой цензуры и давления на личность, читать такие строки. Но, подчеркну, написаны они были за полвека до известных событий и с поразительной точностью предсказали именно такое течение событий, какое сложилось потом вопреки научным обоснованиям официальной социологии.

Его провидческий взор проникал и дальше, в конец XX в., он видел последствия «развитого социализма» и капитализма. За несколько десятилетий он предостерегает современников от выбора эгалитарного прогресса. Это прогресс уравнивательный, смешивающий все многоцветие жизни в монотонности, однообразии, усредненности существования, вкусов, потребностей. Это лишение национальной индивидуальности, безликий интернационализм. К.Н. Леонтьев убежден, что такое омассовление – свидетельство угасания культуры Европы, ибо культура, как всякая целостная система, живет разнообразием [16. С. 250]. Он задолго до Шпенглера понял опасность перспективы перехода «культуры» в «цивилизацию».

Сильно тревожило его безоглядное познание, прежде всего своей безответственностью, пугало увлечение машинами, прикладными изобретениями. К.Н. Леонтьев противопоставлял свою концепцию органического развития природы и человека ученым, инженерам, «балующимся весьма опасно со страшными и таинственными силами природы» [17. С. 14]. У него был дар эволюционного прогнозирования, который предполагает соединение только появляющегося знания с прозрением наиболее вероятных возможностей. Реальность нынешних глобальных и политических, и экологических проблем тому подтверждение.

Рубеж XIX–XX вв. особенно богат произведениями пророческого содержания и в философии, и в литературе. Это был период своеобразного культурного Ренессанса, когда сама духовная атмосфера стимулировала творческие искания. Мыслители этого времени не могли проигнорировать очень болезненную для них тему слома старого мира и предстоящей революции. Сборники «Вехи», «Из глубины» насыщены тревожными предчувствиями грядущих перемен. Одни, особенно в поэтической среде, ждали революцию как «очистительного огня», который будет одновременно возмездием и началом новой эры. Другие, и их большинство, предрекали трагическое и даже катастрофическое развитие событий. На эсхатологическую склонность русского ума указывал еще Н.А. Бердяев в книге «Русская идея». Прежде всего, он имел в виду Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, К.Н. Леонтьева, Н.Ф. Федорова и кн. Е.Н. Трубецкого. Но этот ряд гораздо более обширен. Все авторы статей сборников

«Вехи» и «Из глубины», сам Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, М.О. Гершензон, А.С. Изгоев, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, С.Л. Франк, П.И. Новгородцев и другие, эмоционально и аргументированно комментировали события в России начала XX в. Их выступления были призывом и предостережением для русской интеллигенции. В первые годы революции П.И. Новгородцев, например, писал: «Хочется задержать быстрое течение жизни, роковой ее уклон, хочется придумать некоторые прочные и устойчивые формы, которые могли бы спасти все общество от губельного развития и смертельных опасностей» [18. С. 99]. П.И. Новгородцев, правовед и философ, основоположник идеалистической школы в русской философии права, одним из первых понял обреченность русской демократии в XX в., заявив, что она приводит к «уничтожению и разрушению основ государственной жизни» [18. С. 548]. Он считал, что демократическое правление не годится для российской действительности. «...Россия не только не слилась с демократией всего мира и не только не стала впереди ее, а напротив, противопоставила себя ей как система управления диктаторского, деспотического и вместе с тем разрушительного» [18. С. 565]. Философ указывал, что русская смута XX в. лишь прикрывается демократическими лозунгами, разрушение ею общественного порядка влечет за собой «бездонные кровавые ужасы», «сверхчеловеческую безрассудность в «верхах» и «низах»» [18. С. 570]. Переживая за судьбу разоренной родины, он надеялся на восстановление национального самосознания и потенциал народа. П.И. Новгородцев полагал, что возрождение страны потребует от россиян героических усилий. «...Придется действовать в условиях ужасных и первобытных», и «новые вожди, которые будут пробиваться на русской земле среди развалин... не всегда будут только добрыми и животворными, работающими на благо всех» [18. С. 577]. Он прозорливо предвидел, что Россия будет переживать «великий кризис правосознания, неверия, кризис культуры, оторванность от церкви, кризис государства...», и считал, что в этих исключительно тяжелых условиях «не выборы или новые формы власти механически выведут русский народ из величайшей бездны его падения, а лишь новый поворот в общественном сознании» [18. С. 579–580]. Причем демократия – не единственное условие прогресса России. Он предупреждал, что «демократия будет зависеть от того духовного содержания, которое вкладывает в нее народ, и при известных обстоятельствах она может стать полным извращением социальной справедливости и нельзя не видеть ее роковой опасности» [18. С. 578]. Эти слова звучат в наши дни не только как свидетельство современника или исторический документ, но и как подлинное пророчество судьбе страны. Многие из предвидений относительно будущего развития России сбылись и нашли отражение в нашей трагической истории.

В XX столетии одним из тех, кто оказался способным понять историческое прошлое России и предвидеть ход ее будущего развития, был выдающийся философ, государствовед, религиозный мыслитель и общественный деятель И.А. Ильин. В лекциях о сущности и своеобразии русской культуры он раскрывает

глубокие корни отечественной духовности и национальной мощи. И.А. Ильин предвидел кризис европейской цивилизации, а спасение России призывал искать в особенностях русского народа. Он считал, что «русская культура построена на чувстве и сердце, на созерцании, на свободе совести и свободе молитвы. Это они являются первичными силами и установками русской души, которые задают тон их могучему темпераменту. В качестве вторичных сил выступают воля, осознанная мысль, правовое сознание и организаторские функции» [19. С. 189]. Именно поэтому, по его мнению, в русской культуре более сильны мотивы религиозно-этические, чувственно-созерцательные, нежели строго-логические. Русского человека больше волнуют вопросы веры и нравственности, а не политики и права. Национальные ценности чаще, чем на Западе, сливаются с религиозными святынями. Именно поэтому, считает И.А. Ильин, личность и народ, свобода и нравственность рассматривались корифеями русской мысли в тесной связи с будущим отечества.

В работах И.А. Ильина содержатся размышления действительно государственного масштаба. В статьях «Что сулит миру расчленение России», «О расчленителях России» философ высказал оценки и прогнозы, ставшие реальностью нашего времени: «Но единая Россия им не нужна. Одни думают, что Россия, расколовшаяся на множество маленьких государств (например, по числу этнических групп или подгрупп!), перестанет висеть вечной угрозой над своими «беззащитными» европейскими и азиатскими соседями... Другие уверены, что Россия сойдет со сцены в качестве опасного – торгового, морского и имперского – конкурента; а затем можно будет создать себе превосходные «рынки» (или рыночки) и среди маленьких народов, столь отзывчивых на иностранную валюту и на дипломатическую интригу. Есть и такие, которые считают, что первую жертвою явится политически и стратегически

бессильная Украина, которая будет в благоприятный момент легко оккупирована и аннексирована с Запада; а за нею быстро созреет для завоевания и Кавказ, раздробленный на 23 маленькие вечно враждующие между собою республики» [20. С. 93]. Задолго до известных событий И.А. Ильин предостерегал нашу политическую элиту о хаосе перемещений, возвращений, отмищений, развале транспорта, безработице, голоде, холоде, безвластии, если Россия поддастся западной пропаганде и осуществит лозунг «Народы бывшей России, расчленийтесь!». Нам, знающим политическую реальность, остается убеждаться в прозорливости суждений философа-эмигранта.

С помощью обширного материала русской философии становятся очевидными отличительные особенности философского способа предвосхищения будущего. Это, прежде всего, способность уходить от непосредственного опыта, от фактологии, что дает возможность мыслителю видеть основную тенденцию развития событий. Далее, это глубокая сопричастность судьбе своего народа, переживание за его будущее. Отсюда – эмоциональность выступлений, некоторая субъективность, предвзятость суждений. В отличие от научного прогнозирования, использование мыслителем не только проверенного знания общественных реалий, но и интуитивных предчувствий, догадок, озарений для формулирования своих выводов. Это дает возможность философу не только мысленно «перескочить» через несколько детерминированных звеньев, но и представить картину неявно прорисованного будущего. Необходимо отметить ценностную ориентацию философского предсказания, его сознательное намерение охватить не только область сущего, но и в значительной степени обратиться к должному, к социальному идеалу. Это стремление часто выливается в излишнее морализаторство, максимализм и утопизм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Микешина Л.А. Философия познания. Полемиические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002.
2. Кочергин А.Н. Специфика и структура философского знания // Структура философского знания. Томск, 1986.
3. Кондратьев В.Н. Лев Шестов: философ или пророк? // Философская и социологическая мысль. Киев, 1991. № 2.
4. Аверинцев С.С. Западно-восточные истоки европейской традиции: несколько общих замечаний // Проблема человека в истории философии. Вильнюс, 1984.
5. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994.
6. Андреев Д. Роза мира. М., 1992.
7. Бердяев Н.А. Сочинения. М.: Раритет, 1994.
8. Булгаков С.Н. История экономических учений. М., 1911.
9. Булгаков С.Н. Агнец Божий. О богочеловечестве. Париж, 1933.
10. Булгаков С.Н. Апокалипсис Иоанна (опыт догматического истолкования). М., 1991.
11. Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов: В 2 т. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. Т. 1.
12. Зернов Н.М. Три русских пророка. М., 1995.
13. Соловьев В.С. Оправдание добра. М., 1996.
14. Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994.
15. Леонтьев К.Н. О всемирной любви // Собр. соч. М., 1912. Т. 8.
16. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Собр. соч.: В 9 т. М., 1912. Т. 5.
17. Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Собр. соч.: В 9 т. М., 1912. Т. 6.
18. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991.
19. Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры // Москва. 1996. № 2.
20. Ильин И.А. О расчленителях России // Человек и закон. 1996. № 12.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 8 июля 2008 г.